

Россинский Сергей Борисович,
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора
уголовного права,
уголовного процесса и криминологии,
Институт государства и права Российской
академии наук,
Российская Федерация, 119019, г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Sergey Borisovich Rossinsky,
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology Sector,
Institute of State and Law of the Russian
Academy of Sciences,
Russian Federation, 119019, Moscow,
Znamenka St., 10

E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Научная специальность:
5.1.4. Уголовно-правовые науки

Scientific specialty:
5.1.4. Criminal Law Sciences

УДК 343.14

DOI 10.24412/2072-9391-2023-165-16-23

Дата поступления: 15 декабря 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 10 марта 2023 г.

Уголовно-процессуальное доказывание – совокупность познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций

Criminal Procedural Proving – the Complex of Cognitive- Certifying Techniques and Argumentative-Logical Operations

Аннотация

Актуальность: в теории уголовного процесса до настоящего времени не выработана какая-либо единая позиция о сущности уголовно-процессуального доказывания; высказываются самые разнообразные, в том числе и диаметрально противоположные точки зрения.

Постановка проблемы: настоящей статьей автор продолжает цикл научных публикаций, посвященных вопросам теории, нормативно-правового регулирования и практики доказывания как феномена, определяющего смысл, форму и содержание уголовного судопроизводства.

Цель исследования: исследование различных доктринальных подходов к сущности доказывания: 1) консервативного, отождествляющего доказывание с познавательной деятельностью органов предварительного расследования и суда; 2) состязательного, разграничивающего познание и доказывание по функциональному предназначению; 3) универсального, подразумевающего сочетание познавательных приемов и различных аргументационно-логических операций, осуществляемых дознавателем, следователем, судом,

Abstract

Relevance: in the theory of criminal procedure, to date, no unanimous position has been developed on the essence of criminal procedural evidence; a wide variety of points of view, including diametrically opposed points of view, are expressed.

Problem statement: with this article, the author continues the cycle of scientific publications devoted to the theory, regulatory regulation and practice of evidence as a phenomenon that determines the meaning, form and content of criminal proceedings.

The purpose of the study: the study of various doctrinal approaches to the essence of proof: 1) conservative, identifying proof with the cognitive activity of the preliminary investigation and court bodies; 2) adversarial, differentiating cognition and proof by functional purpose; 3) universal, implying a combination of cognitive techniques and various argumentative and logical operations carried out by the inquirer, investigator, court, as well as the accused, defender, victim and other participants in the criminal case legal proceedings.

Research methods: general scientific methods (analysis, observation, generalization, comparison).

а также обвиняемым, защитником, потерпевшим и иными участниками уголовного судопроизводства.

Методы исследования: при подготовке статьи использовались общенаучные методы (анализ, наблюдение, обобщение, сопоставление, описание) и специальные методы юридической науки.

Результаты и ключевые выводы: высказывается предположение, что наиболее приемлемым, подлежащим использованию в качестве методологической основы российского доказательственного права в целом и конкретных правил работы с доказательствами в частности надлежит признать именно универсальный подход, характеризующийся максимальной степенью преемственности уголовно-процессуального доказывания по отношению к имеющим естественное происхождение общим законам гносеологии и формальной логики. Автор полагает, что использование этого подхода, в том числе умелое внедрение соответствующих положений в текст закона, позволит хотя бы частично сгладить присущие доказыванию противоречия, обусловленные изначальной несовместимостью познавательных и мыслительных способностей человека с искусственно созданной уголовно-процессуальной формой.

Таким образом, под уголовно-процессуальным доказыванием предлагается понимать практическую деятельность различных участников уголовного судопроизводства, включающую совокупность познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов и различных аргументационно-логических операций, позволяющих устанавливать необходимый круг имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и на их основе выносить законные, обоснованные и разумные (справедливые) правоприменительные решения.

Ключевые слова: *доказательственное право; доказывание; обоснование правоприменительных решений; предмет доказывания; субъекты доказывания; уголовно-процессуальное познание.*

son, description) and special methods of legal science were used in the preparation of the article.

Results and key conclusions: it is suggested that the universal approach, characterized by the maximum degree of continuity of criminal procedural evidence in relation to the general laws of epistemology and formal logic that have a natural origin, should be recognized as the most acceptable, subject to use as a methodological basis of Russian evidentiary law in general and specific rules for working with evidence in particular. The author believes that the use of this approach, first of all, including the skillful introduction of relevant provisions into the text of the law, will allow at least partially to smooth out the contradictions inherent in proving due to the initial incompatibility of cognitive and thinking abilities of a person with an artificially created criminal procedural form.

Thus, it is proposed to understand by criminal procedural proof the practical activities of various participants in criminal proceedings, including a set of cognitive (cognitive-certifying) techniques and various argumentative and logical operations that allow establishing the necessary range of circumstances relevant to the criminal case and on their basis to make legitimate, reasonable and reasonable (fair) law enforcement decisions.

Keywords: *evidentiary law; proving; substantiation of law enforcement decisions; subject of proof; subjects of proof; criminal procedural cognition.*

На общем фоне множества вопросов, традиционно присущих доктринальному и нормативно-правовому обеспечению предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, особые сложности традиционно вызывали и продолжают вызывать различные проблемы, касающиеся феномена уголовно-процессуального доказывания — специальной практической деятельности опреде-

ленных субъектов уголовного судопроизводства, направленной на установление события преступления, виновности лица и других обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения возникающей правовой задачи, в первую очередь, выдвинутой в отношении подсудимого публично-правовой претензии, и постановления законного, обоснованного и справедливого приговора (издания иного пра-

воприменительного акта). Дискуссии по этому поводу ведутся уже много лет, и ряды их участников постоянно пополняются. А большинство из указанных вопросов, несмотря на пристальное внимание со стороны ученых, остаются неразрешенными. В частности, в теории уголовного процесса даже не выработана какая-либо единодушная позиция о сущности уголовно-процессуального доказывания; вместо этого высказываются самые разнообразные, в том числе и диаметрально противоположные точки зрения.

Так, один из самых известных доктринальных подходов предполагает понимание уголовно-процессуального доказывания как особой разновидности познания окружающей реальности [16, с. 21]. При этом в качестве специальных условий, позволяющих отграничить доказывание от бытового, научного или иного познания, называют установленный законом порядок [4, с. 81; 23, с. 6 и др.], особую предметную область применения [2, с. 86; 22, с. 8–10 и др.], опосредованность восприятия соответствующих обстоятельств [14, с. 21–22; 24, с. 3 и др.]. Некоторые авторы придерживаются близких, но все же несколько иных позиций. Они включают в понимание уголовно-процессуального доказывания еще один вполне разумный компонент — обязательную фиксацию познавательных результатов в целях их превращения в доступный для дальнейшего исследования познавательный продукт, в «знание для всех» [6, с. 183; 8, с. 19–20; 10, с. 12]. Иными словами, данная позиция предполагает сведение содержания уголовно-процессуального доказывания к двум взаимосвязанным, но тем не менее относительно самостоятельным компонентам: познавательному и удостоверительному. Именно удостоверительная сторона доказывания, утверждается в известной монографии Л. Д. Корева и Н. П. Кузнецова, позволяет заинтересованным лицам наиболее полно реализовать свое право на участие в уголовном деле, а следовательно либо суду — мотивировать принимаемые решения [9, с. 7–8].

Другим публикациям присуща диаметрально противоположная точка зрения — в уголовно-процессуальное доказывание вкладывается не познавательный, а сугубо аргументационный смысл. Под доказыванием понимается активная деятельность сторон, состоящая в аргументационно-логическом обосновании своих позиций, то есть в формировании убедительных доводов и их направлении в адрес субъекта правоприменения, в первую очередь суда. Таким образом, познание и доказывание разграничиваются по функциональному признаку — как формы реализации различных процессуальных функций, отнесенных к ведению раз-

ных участников: субъектом познания признается суд, а субъектами доказывания — участники со стороны обвинения и участники со стороны защиты.

Одним из первых отечественных процессуалистов подобную точку зрения высказал С. В. Курьлев, выразивший ее в виде научного афоризма «Доказывание не познание, оно — для познания» [12, с. 33–35]. Проводя свои исследования на стыке наук уголовного и гражданского процесса, автор увязывал необходимость доказывания лишь с теми случаями, когда одна сторона оспаривает утверждения другой. Кстати, в гражданско-процессуальной науке такие позиции вообще сформировались значительно раньше и укоренились гораздо глубже. Однако наибольшее развитие («второе рождение») эти идеи получили в последнее время в связи с попытками внедрения в российский уголовный процесс принципа состязательности в его англосаксонском истолковании, предполагающем четкую дифференциацию участвующих лиц в зависимости от выполняемых ими функций: обвинения, защиты, разрешения уголовного дела [5 с. 220–221; 20, с. 14–15 и др.].

И, наконец, в работах еще целого ряда известных ученых уголовно-процессуальному доказыванию придается более широкий смысл, предполагающий как бы комплексный, универсальный характер. В его содержание одновременно включаются и познавательно-удостоверительные приемы, и аргументационно-логические операции [1, с. 92; 7, с. 26–27, 176, 178; 15, с. 32–33; 19, с. 299; 21, с. 294].

Какой же из указанных доктринальных подходов следует признать наиболее приемлемым, подлежащим использованию в качестве методологической основы российского доказательственного права в целом и конкретных правил работы с доказательствами в частности? Ведь каждый из них имеет и безусловные достоинства, и некоторые недостатки.

Очевидно, что для решения данного, как представляется, концептуального вопроса необходимо вначале осмыслить, какой из предлагаемых подходов характеризуется максимальной степенью преемственности уголовно-процессуального доказывания по отношению к общим законам гносеологии и формальной логики. По всей вероятности, именно он и будет наиболее рациональным, поскольку позволит хотя бы частично (насколько это возможно) нивелировать и сгладить присущие доказыванию противоречия, обусловленные изначальной несовместимостью имеющих естественное происхождение, до конца не изученных, не вполне прозрачных познавательных и мыслительных способностей человека с искусственно созданной уголовно-процессуальной формой.

И в связи с этим достаточно трудно поддерживать один из рассмотренных выше подходов к сущности доказывания, в соответствии с которым оно признается не более чем специфической разновидностью познавательной (познавательно-удостоверительной) деятельности органов дознания, предварительного следствия или суда, то есть сопряжено лишь с накоплением полезной информации о событии преступления, о виновности подвергшегося уголовному преследованию лица, о других обстоятельствах, имеющих значение для постановления законного, обоснованного, справедливого приговора или вынесения иного правоприменительного решения. Деструктивность таких позиций становится очевидной, если вспомнить об изначально субъективном характере познания человеком окружающей реальности и невозможности точного, «фотографического» восприятия накапливаемых сведений. К тому же следственное и, в особенности, судебное познание вообще характеризуется изрядной степенью опосредованности — преимущественно осуществляется не путем изучения самих обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а в ходе работы с сохранившимися «следами преступления» (следами в широком смысле), то есть материальными или идеальными отображениями таких обстоятельств, обусловленными известной способностью материи к отражению [3, с. 8–15; 21, с. 35–73]. Другими словами, такие обстоятельства непосредственному восприятию субъектами доказывания, как правило, не подлежат — они могут устанавливаться лишь в процессе мыслительных реконструкций, воссоздаваться при помощи различных умственных операций и умозаключений, то есть появляться именно как результат умелого использования разумным человеком своих аналитических способностей. И следовательно, уголовно-процессуальное доказывание не может существовать без аргументационно-логической надстройки, обеспечивающей интеграцию всех накопленных познавательных результатов и их превращение в определенный вывод, в четкую позицию о наличии или отсутствии юридических фактов, обуславливающих принятие того или иного правоприменительного решения.

Справедливости ради все-таки нужно признать, что работа со «следами преступления» (следами в широком смысле) — это преобладающий, однако не единственный способ уголовно-процессуального познания. В правоприменительной практике встречаются и другие формы установления имеющих значение для дела обстоятельств, некоторые из них вполне подлежат «прямому» восприятию, осуществляемому посредством более примитивных гносеологических механизмов [11, с. 606; 13, с. 18–19].

Вместе с тем это никоим образом не исключает потребности последующих мыслительных операций и умозаключений. Если некоторые факты или их следы могут восприниматься непосредственно, справедливо подметил А. В. Победкин, то знание о преступном событии всегда будет опосредованным [16, с. 20–21].

Ведь отмеченный выше субъективный характер восприятия человеком объективной реальности все равно не позволяет воспользоваться накопленными информационными ресурсами без их надлежащего осмысления и обдумывания. В подтверждение этого тезиса уместно вспомнить, что современные философские и естественно-научные подходы к сущности познания уже не предполагают отношение к его результатам как к «копиям», «фотоснимкам» воспринимаемых объектов. Стараниями выдающихся отечественных и зарубежных мыслителей XX в. в науке постепенно возобладал совершенно иной подход к перцептивным отображениям внешнего мира в сознании человека. Поэтому на сегодняшний день вряд ли кто-либо станет оспаривать очевидность того, что продукты непосредственной познавательной деятельности — не зеркальные отражения фрагментов объективной реальности, а всего лишь их более или менее адекватные мысленные образы, требующие последующего логического анализа и опровержения версий, предполагающих иное истолкование воспринятой информации [17, с. 354–357; 18, с. 66–68]. Другое дело, что благодаря развитым аналитическим навыкам и многолетней познавательной практике каждый нормальный человек осуществляет указанные мыслительные операции как бы неосознанно, молниеносно, не отдавая себе отчета в сложности постоянно проделываемой им умственной работы. Однако не признавать важнейшую роль указанных мыслительных операций в общем механизме установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, не соглашаться с существованием аргументационно-логического этапа доказывания — значит попросту отвергать способность человека к рациональному мышлению как одной из высших психических функций, отличающих людей от иных представителей земной фауны.

Кстати, на фоне изложенного становится хорошо заметной несостоятельность иного научного подхода — рассмотренных выше позиций, предполагающих жесткое разграничение познания и доказывания как принципиально разных форм процессуального поведения, выраженных в возложении соответствующих задач на различных участников уголовного судопроизводства в зависимости от выполняемых функций. Данная позиция вообще плохо согласует-

ся с национальной моделью уголовного судопроизводства, которая, несмотря на серьезные противоречия, обусловленные попытками внедрения ряда положений англосаксонской правовой доктрины, еще сохраняет свои исторические корни, свою приверженность к континентальному (романо-германскому) типу процесса. Причем для существующей в настоящее время системы предварительного расследования вообще свойственна интеграция юрисдикционных (судебно-следственных) полномочий с полномочиями по осуществлению уголовного преследования, то есть фактическое переплетение функции разрешения уголовного дела с функцией обвинения. Такое построение досудебного производства в принципе не позволяет обеспечить гетерогенное разграничение познавательного (познавательно-удостоверительного) и аргументационно-логического аспектов доказывания, в связи с чем согласиться с современными поборниками «чистой» состязательности просто невозможно.

Подобный подход к сущности доказывания гораздо проще соотнести с механизмами гражданского или арбитражного процесса, которые из-за отсутствия необходимости формирования публично-правовой претензии не предполагают досудебного производства и вообще характеризуются меньшей активностью суда и большими диспозитивными возможностями сторон. Видимо, именно по этой причине в науке гражданского процесса данные идеи стали высказываться гораздо раньше и укоренились значительно глубже. Кстати, и один из основоположников разграничения познания и доказывания — профессор С. В. Курылев — вообще-то был ученым-цивилистом. И хотя его труды, в частности известная монография «Основы теории доказательств в советском правосудии», оказывали и продолжают оказывать огромное влияние на развитие теории уголовно-процессуального доказывания, они все-таки более касаются проблем гражданского судопроизводства.

Но даже в части гражданско-процессуального доказывания согласиться с подобным подходом достаточно сложно. А в публичном уголовном судопроизводстве, где суд — это больше чем просто суд, а стороны, несмотря на задекларированное равноправие перед судом, имеют совершенно разные процессуальные полномочия, права и обязанности, данная позиция вообще представляется совершенно неприемлемой.

Доказывание нельзя рассматривать только как направление логических посылов внешнему адресату с одной лишь целью — убедить его в правильности собственного тезиса и ошибочности позиции процессуального оппонента. Данный подход абсолютно нежизнеспособен, поскольку разрывает связь высказываемых

обвинением и защитой доводов и аргументов с обстоятельствами уголовного дела, лишает их свойства относимости, а саму состязательную форму уголовного процесса превращает в беспредметный спор (в спор ради спора), в бесцельное судоговорение, а зачастую и в судебно-ораторское самолюбование либо вызванную понятными мотивами самопрезентацию судебно-ораторского мастерства.

Любой довод или аргумент, тем более связанный с установлением имеющих юридическое значение обстоятельств, не может появиться из ниоткуда; он всегда обуславливается предварительно накопленными сведениями, позволяющими соответствующему субъекту вначале сформировать свое собственное понимание проблемы и правовых способов ее разрешения и лишь затем — попытаться убедить в этом правоприменителя. Причем ввиду всеобщих и единых закономерностей гносеологии и формальной логики эти механизмы пронизывают деятельность любых участников уголовного судопроизводства независимо от возложенных на них функций. И деятельности самих правоприменителей, и участию представителей сторон присущи как познавательные (познавательно-удостоверительные), так и аргументационно-логические приемы доказывания. Правда, эти приемы используются в разных формах, обусловленных различными ролями субъектов уголовного судопроизводства и особенностями их процессуального положения.

Например, познание обстоятельств уголовного дела, осуществляемое обвиняемым, защитником, потерпевшим и иными заинтересованными лицами, не характеризуется жесткой формализацией и осуществляется в достаточно свободном режиме. Но это вовсе не означает, что указанные лица вообще не являются субъектами процессуального познания. Они знакомятся с материалами уголовного дела, участвуют в исследовании доказательств в судебном заседании, имеют право самостоятельно представлять различные предметы, документы и т. д. Кстати, схожие приемы свойственны и для познавательной деятельности государственного обвинителя — по смыслу закона ему тоже надлежит изучать (читать — познавать) попавшие в его распоряжение материалы и тоже вне какой-либо четко установленной процедуры. Тогда как участие всех этих лиц в осуществлении аргументационно-логических операций является более формализованным, поскольку, в первую очередь, носит «экспортный» характер и сводится к устному либо письменному убеждению в своей «правоте» дознавателя, следователя, суда посредством использования ранее накопленной информации — путем участия в судебных прениях, заявления и обсуждения ходатайств, об-

жалования и направления возражений на поданные жалобы (прокурорские представления) и т. д.

Но подобные «экспортные» процедуры далеко не исключительны; они не лишают заинтересованных лиц возможности осуществления «внутренних» (мыслительных) и потому практически неформализованных аргументационно-логических приемов. В частности, представляется, что все эти участники в определенном смысле выступают и субъектами оценки доказательств, поскольку «экспорт» своей позиции в адрес дознавателя, следователя, суда просто невозможен без предварительного превращения накопленных (познанных) сведений в соответствующие доводы и аргументы. И хотя ввиду недопустимости принятия обвиняемым, защитником, потерпевшим, другими невластными субъектами правоприменительных решений такая «внутренняя» (как бы собственная) оценка не влечет юридических последствий, тем не менее она играет достаточно важную роль в общем механизме установления значимых для уголовного дела обстоятельств. А ее игнорирование в очередной раз противоречит имеющим естественное происхождение, не зависящим от процессуальной формы общим законам гносеологии и формальной логики.

В свою очередь, участие в уголовном деле дознавателя, следователя, надзирающего за ними прокурора и суда не может сводиться лишь к познавательно-удостоверительным приемам накопления и фиксации полезной информации. Наряду с собиранием и исследованием доказательств правоприменителю надлежит дать им должную фактическую и юридическую оценку, сопоставить их между собой, интегрировать подлежащие использованию сведения в четкие логические доводы и аргументы, на основании чего выстроить определенные умозаключения, обуславливающие постановление приговора, издание иного дознавательского, следственного, прокурорского либо судебного акта. В противном случае органы предварительного расследования, прокуратуры и, в особенности, суды из полноценных и активных субъектов доказывания превратились бы в пассивных «накопителей» доказательств и технических «регистраторов» позиций сторон, а их решения стали бы приниматься по сугубо формальному принципу — у кого больше доказательств, тот и прав. В конце концов законодатель прямо возлагает оценку доказательств, выражающуюся в совокупности умственно-аналитических операций, на дознавателя, следователя, прокурора и суд (ч. 1 ст. 17 УПК РФ).

Производимые этими субъектами аргументационно-логические операции предполагают как «внутреннее», так и «экспортное» значение.

«Внутреннее» значение выражается в направлении результатов проведенной умственной работы как бы самому себе — в целях формирования личной убежденности в правильности и доброкачественности выносимого правоприменительного решения. И поэтому оно находится в самой тесной взаимосвязи с предъявляемым к любым приговорам, постановлениям или определениям требованием обоснованности (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 297 УПК РФ). Тогда как «экспортная» роль аргументационно-логических операций дознавателя, следователя, прокурора, суда проявляется в обосновании сформированной правоприменительной позиции перед потенциальными адресатами соответствующих уголовно-процессуальных актов и взаимосвязана с неперенным атрибутом подобных документов — их мотивированностью. В частности, как разъяснил Пленум Верховного Суда Российской Федерации, при постановлении приговора суду надлежит оценить все исследованные в судебном заседании доказательства, как уличающие, так и оправдывающие подсудимого, подробно охарактеризовать доказательства, положенные в обоснование выводов по разрешаемым вопросам, а также привести мотивы отказа от использования других доказательств (см.: п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре»¹).

Кстати, присущие доказыванию познавательно-удостоверительные приемы и аргументационно-логические операции свойственны не только для ординарной формы уголовного правосудия, но и для других, дифференцированных режимов процессуальной деятельности, включая предусмотренный гл. 40 УПК РФ особый порядок постановления приговора, обусловленный согласием подсудимого с предъявленным обвинением. Конечно, подобный алгоритм производства в суде первой инстанции не предполагает ни полноценного судебного следствия как совокупности познавательно-удостоверительных действий, сопряженных с накоплением полезной информации, ни судебных прений, направленных на обоснование сторонами своих позиций по разрешаемым посредством правосудия вопросам. Вместе с тем положения гл. 40 УПК РФ никоим образом не освобождают судью от вытекающей из смысла закона обязанности должного исследования всех принимаемых к производству материалов (как изобличающих обвиняемого в совершении инкриминируемого преступления, так и, наоборот, свидетельствующих

¹ См.: О судебном приговоре: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 // Рос. газ. 2016. 7 дек.

щих в его пользу), их оценки и логической аргументации своих выводов, предопределяющих соответствующий правоприменительный акт. К тому же сама возможность постановления обвинительного приговора в особом порядке находится в прямой зависимости от убежденности судьи в обоснованности признанной подсудимым позиции обвинения, то есть ее подтвержденности совокупностью полученных органами предварительного расследования и поэтому уже приобщенных к уголовному делу относимых, допустимых и достоверных доказательств (ч. 7 ст. 316 УПК РФ). В противном случае остается лишь прекратить упрощенное производство и назначить рассмотрение уголовного дела заново — в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ).

Иными словами, для постановления обвинительного приговора без полноценного судебного разбирательства судье надлежит не только изучить имеющиеся доказательства, но и самостоятельно, без содействия сторон убедиться в правомерности предъявленной лицу уголовно-правовой претензии. Таким образом, особый порядок включает как познавательные приемы (ознакомление с материалами представленного в суд уголовного дела), так и аргументационно-логические операции, но осуществляемые судьей «внутренне», «про себя», без «помощи» сторон и необходимости письменной мотивировки приговора.

На основании всего изложенного следует согласиться именно с комплексным, как бы универсальным подходом к пониманию уголовно-процессуального доказывания. *В общем и целом содержание доказывания надлежит сводить к совокупности познавательных (познавательно-удостоверительных) приемов и различных аргументационно-логических операций, позволяющих устанавливать необходимый круг имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и на их основе выносить законные, обоснованные и разумные (справедливые) правоприменительные решения.*

Представляется, что подобный универсальный подход как раз и предполагает максимально возможную степень преемственности доказывания по отношению к общим закономерностям гносеологии и формальной логики, то есть позволяет наилучшим образом увязать научную доктрину с реальными жизненными потребностями правоприменительной практики. Кроме того, вполне вероятно, что при умелом внедрении в законодательную материю этот подход сможет оказать существенное влияние на хотя бы частичное нивелирование и сглаживание тех самых неизбежных противоречий, которые обусловлены принципиальной невозможностью гармонизации объективно существующих познавательных и мыслительных способностей человека с искусственно созданной уголовно-процессуальной формой.

Список литературы:

1. Арсеньев В. Д. Вопросы общей теории судебных доказательств. Москва, 1964.
2. Астафьев Ю. В., Изотова Н. В. Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. Курск, 2002.
3. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. Москва, 1970.
4. Божьев В. П. Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. Москва, 1978.
5. Боруленков Ю. П. Юридическое познание. Москва, 2014.
6. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж, 1978.
7. Давлетов А. А. Основы уголовно-процессуального познания. Екатеринбург, 1997.
8. Зажитский В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. Санкт-Петербург, 2015.
9. Кокорев Л. Д., Кузнецов Н. П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. Воронеж, 1995.

References:

1. Arsen'ev V. D. Voprosy obshchej teorii sudebnykh dokazatel'stv. Moskva, 1964.
2. Astaf'ev Yu. V., Izotova N. V. Dokazyvanie i operativno-rozysknaya deyatel'nost': problemy sootnosheniya i vzaimodejstviya. Kursk, 2002.
3. Belkin R. S. Leninskaya teoriya otrazheniya i metodologicheskie prob-lemy sovetskoj kriminalistiki. Moskva, 1970.
4. Bozh'ev V. P. Osnovnye voprosy sovetskogo ugolovnogo protsesssa: ucheb. posobie. Moskva, 1978.
5. Borulenkoy Yu. P. Yuridicheskoe poznanie. Moskva, 2014.
6. Gorskiy G. F., Kokorev L. D., Jel'kind P. S. Problemy dokazatel'stv v so-vetskom ugolovnom protsesse. Voronezh, 1978.
7. Davletov A. A. Osnovy ugolovno-protsessual'nogo poznaniya. Ekaterinburg, 1997.
8. Zazhitskiy V. I. Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF. Sankt-Peterburg, 2015.
9. Kokorev L. D., Kuznetsov N. P. Ugolovnyj protsess: dokazatel'stva i dokazyvanie. Voronezh, 1995.

10. Копьева А. Н. Доказывание по уголовным делам в вышестоящем суде. Иркутск, 1990.
11. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. Москва, 1989.
12. Курьев С. В. Основы теории доказывания в советском правосудии. Минск, 1969.
13. Лившиц В. Я. Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / отв. ред. М. С. Строгович. Москва – Ленинград, 1949.
14. Лупинская П. А. Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. Москва, 1966.
15. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва, 2009.
16. Победкин А. В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Москва, 2005.
17. Россинский С. Б. К вопросу о развитии теории доказательств в уголовном процессе // Российский криминологический взгляд. 2013. № 3.
18. Россинский С. Б. Размышления о сущности доказывания в уголовном судопроизводстве // Lex Russica. 2020. Т. 3. № 9 (166).
19. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Москва, 1968. Т. 1.
20. Татаров Л. А. Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007.
21. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Москва, 1973.
22. Трусов А. И. Основы теории судебных доказательств. Москва, 1960.
23. Хмыров А. А. Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. Краснодар, 1996.
24. Якимович Ю. К. Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. Томск, 2015.
10. Kop'eva A. N. Dokazyvanie po ugovolnym delam v vyshestoyashchem sude. Irkutsk, 1990.
11. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa. Obshchaya chast' / pod red. A. D. Bojkova, I. I. Karpetsa. Moskva, 1989.
12. Kurylev S. V. Osnovy teorii dokazyvaniya v sovetskom pravosudii. Minsk, 1969.
13. Livshits V. Ya. Printsip neposredstvennosti v sovetskom ugovolnom protsesse / отв. ред. М. С. Strogovich. Moskva – Leningrad, 1949.
14. Lupinskaya P. A. Dokazyvanie v sovetskom ugovolnom protsesse: ucheb. posobie. Moskva, 1966.
15. Orlov Yu. K. Problemy teorii dokazatel'stv v ugovolnom protsesse. Moskva, 2009.
16. Pobedkin A. V. Teoriya i metodologiya ispol'zovaniya verbal'noj informatsii v ugovolno-protsessual'nom dokazyvanii. Moskva, 2005.
17. Rossinskij S. B. K voprosu o razvitii teorii dokazatel'stv v ugovolnom protsesse // Rossijskij kriminologicheskij vzglyad. 2013. № 3.
18. Rossinskij S. B. Razmyshleniya o sushchnosti dokazyvaniya v ugovolnom sudoproizvodstve // Lex Russica. 2020. T. 3. № 9 (166).
19. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa. Moskva, 1968. T. 1.
20. Tatarov L. A. Metodicheskie i metodologicheskie problemy dokazyvaniya obstoyatel'stv prestupleniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2007.
21. Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugovolnom protsesse / отв. ред. N. V. Zhogin. Moskva, 1973.
22. Trusov A. I. Osnovy teorii sudebnykh dokazatel'stv. Moskva, 1960.
23. Khmyrov A. A. Problemy teorii dokazyvaniya: ucheb. posobie. Krasno-dar, 1996.
24. Yakimovich Yu. K. Dokazatel'stva i dokazyvanie v ugovolnom protsesse Rossii. Tomsk, 2015.

Для цитирования:

Россинский Сергей Борисович. Уголовно-процессуальное доказывание — совокупность познавательного-удостоверительных приемов и аргументационно-логических операций // Труды Академии управления МВД России. 2023. № 1 (65). С. 16–23.

For citation:

Rossinsky Sergey Borisovich. Criminal Procedural Proving — the Complex of Cognitive-Certifying Techniques and Argumentative-Logical Operations // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2023. № 1 (65). P. 16–23.

Ульянов Александр Данилович,

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации деятельности
органов внутренних дел центра командно-
штабных учений,

Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Власов Борис Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры теории и методологии
государственного управления,

Академия управления МВД России,
Российская Федерация, 125171, г. Москва,
ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

E-mail: B.e.Vlasov@mail.ru

Научная специальность:

5.1.2. Публично-правовые
(государственно-правовые) науки

УДК 35:34

DOI 10.24412/2072-9391-2023-465-24-31

Дата поступления: 28 ноября 2022 г.

Дата принятия статьи в печать: 10 марта 2023 г.

Теоретико-методологическое обеспечение аналитической работы в органах внутренних дел в современных условиях

Theoretical and Methodological Support of Analytical Work in the Internal Affairs Bodies in Modern Conditions

Аннотация

Актуальность исследования состоит в том, что уровень и качество аналитической работы в органах и подразделениях внутренних дел системы МВД России в современных условиях должны соответствовать возрастающим требованиям, связанным с появлением новых вызовов и угроз.

Постановка проблемы: знание теоретических и методологических основ аналитической деятельности является непрямым условием и предпосылкой эффективного руководства органами и подразделениями внутренних дел. Однако уровень научного обеспечения анали-

Aleksandr Danilovich Ul'yanov,

Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Organization of the Activities of the Internal
Affairs Bodies of the Center for Command
and Staff Exercises,

Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,
Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: alex_ulyanov@inbox.ru

Boris Evgenevich Vlasov,

Candidate of Law, Associate Professor,
Head of the Department of the Theory
and Methodology for National Management,
Management Academy of the Ministry
of the Interior of Russia,

Russian Federation, 125171, Moscow,
Zoi i Alexandra Kosmodemyanskikh St., 8
E-mail: B.e.Vlasov@mail.ru

Scientific specialty:

5.1.2. Public Law
(State Law) Sciences

Abstract

The relevance of the research lies in the fact that the level and quality of analytical work in the internal affairs bodies and divisions of the Russian Interior Ministry system in modern conditions must meet the increasing requirements associated with the emergence of new challenges and threats.

Problem statement: knowledge of the theoretical and methodological foundations of analytical activity is an indispensable condition and prerequisite for effective management of internal affairs bodies and departments. However, the level of scientific support for analytical work does not always allow their managers to effectively achieve